

EUROPA ORIENTALIS 15 (1996): 2

“ВЕЛИМИР”: ОБ ИМЕНИ ХЛЕБНИКОВА*

Андрей Шишкин

Не каждому человеку, Гермоген, дано устанавливать имена, но лишь такому, кого мы назвали бы творцом имен. Он же, видимо, и есть законодатель, а уж этот то из мастеров реже всего объявляется среди людей. [...] Таким образом, бесценнейший мой, законодатель, о котором мы говорили, тоже должен уметь воплощать в звуках и слогах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы. (Платон. Кратил. 389а, 389в)

Пойду я в контору “Известий”,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой....
Н. Олейников. “Перемена фамилии”
(не позднее 1934).

За выбором литературного имени или псевдонима может стоять и определенная эстетическая и социальная программа, и манифестация принадлежности к тому или иному литературному направлению, и продуманная философия литературного имени, и некое зерно личного мифа, воплощавшегося затем в творчестве. Необычное имя писателя — загадка, но оно же и ключ к разгадке.

Особенно интересным и ярким временем для русских литературных имен/псевдонимов была эпоха конца XIX-начала XX века. Внешняя и внутренняя форма слова, архаика слова, связь его с пер-

вобытным магизмом, его гносеология и онтология, по разному представая в поэтической мысли символистов, акмеистов и футуристов, в целом сосредотачивают на себе основное внимание эпохи. “Борьба за Логос”, неслучайно озаглавливал в 1911 г. книгу один русский философ. Высшее, трансцендентное, отношение к слову в эту эпоху — учение имеславцев, приравнивающее слово к иконе. Практический интерес к имеславию объединял столь отличных протагонистов эпохи, как Вяч. Иванов и Мандельштам, Эрн, Флоренский и С. Булгаков.¹ Иной уровень отношения к слову обнаруживается во все более обостренных общественных схватках. Здесь слово не логос, не миф, а орудие, причем в момент высшего накала общественного конфликта, гражданской войны, орудие уже в прямом, не метафорическом смысле: аэропланы белых сбрасывают над расположениями красных как боевой груз листовки писателя Л. Андреева, аэропланы красных бомбардируют белых стихами поэта Придворова, который писал под псевдонимом Бедного Демьяна.

Историческое и теоретическое описание литературных имен/псевдонимов этой эпохи — многосложная филологическая задача. И хотя уже существует ряд оригинальных и глубоких исследований, разрешение этой задачи все еще далеко.²

Данная работа является попыткой интерпретации избранного Хлебниковым имени — “Велимир”. Для Хлебникова, который утверждал, что “слово имеет тройственную природу: слуха, ума и пути для рока”,³ имена собственные могли быть носителями судьбы. Но

¹ Несколько подробнее см. в моей статье “Il verbo quale incarnazione negli scrittori russi del simbolismo”. In: Semiotica del testo mistico. Atti del congresso. L’Aquila 1995, p. 844-862.

² Об именах в литературе см. Annie A. Marble. Pen Names and Personalities. New-York-London 1930. О русских литературных псевдонимах см. прежде всего В. Г. Дмитриев. Скрывшие свое имя. Из истории псевдонимов и анонимов. М. 1970. Особняком стоит цикл работ по ономастике М. С. Альтмана, о нем см. сноску 31 ниже. Из последних работ о литературном имени в русской литературе “серебрянного века” см. М. Б. Мейлах. Об именах Ахматовой. I. Anna, “Russian Literature” 10/11 (1975); A. A. Hansen-Löve. Velimir Chlebnikovs Onomatopoetic. Name und Anagramm, “Wiener Slawistischer Almanach”, Band 21 (1988): 135-224; К. Постоутенко. Об одном псевдониме С. П. Боброва (Мар Иолэн), “Stanford Slavic Studies” 8 (1994): 277-282.

³ Статья 1913 г. “Воин не наступившего царства...” // В. Хлебников. Собрание произв. München 1972, т. V, с. 188. Далее ссылки приводятся в тексте.

своеобразие выбора Хлебниковым литературного имени лучше видно на фоне отношения к мене имени и к выбору псевдонима его современников, мы коснемся этого вопроса по необходимости в самом предварительном виде.

“Как это замечательно, что в новой литературе писатели направляют значительную часть своей интуиции на имена”.
Вяч. Иванов. Разговоры. Запись Альтмана от 27 августа 1921 г.

1. Остроумен и многозначителен был псевдоним, которым Вл. С. Соловьев подписьвал свои шуточные стихи: “Князь Эспер Гелиотроп”.⁴ Вот как он “сделан”: Еσπερος по-гречески “Вечерняя звезда” (в русской традиции – “геспер”, то есть вечерняя звезда, появляющаяся сразу же после заката солнца), затем ἥλιος, солнце + греческое τρόπος, “поворот” = “Князь вечерняя звезда следующая-за-солнцем” или “Князь вечерняя звезда следующая-за-закатом-солнца”. Вместе с тем цветок “гелиотроп” обладал символическим значением с античности, когда украшал головы римских императоров, а в средние века использовался на иконах Девы Марии, ангелов, пророков и т. д.⁵ Комический эффект псевдонима возникал из сочетания типично семинарской фамилии “Гелиотропов” с княжеским титулом и экзотическим греческим именем “Эспер”. Имя “Князь Эспер Гелиотропов” вполне соответствует поэтике шутливой маски, которая оберегает высокий сокровенный опыт в поэме “Три свидания”.

Псевдонимы И. Анненского “Утис” или его легко зашифрованный руссифицированный эквивалент “Ник. Т-о” могли как бы отображать его позицию по отношению к современной ему литературной культуре или быть навеянными темами его стихов. Псевдоним “Ник. Т-о” являлся анаграммой имени Анненского — “иННОКентИЙ”,⁶ а его гре-

⁴ О создании этого псевдонима см. письмо Вл. Соловьева к В. Буренину 1886 г., опубликованное З. Минц в кн. Вл. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л. 1974, с. 311. В это издание включено семь стихотворений, подписанных указанным псевдонимом. Между прочим, в русской печати 1880-х гг., выступал князь из рюриковичей, поэт и публицист Эспер Эсперович Ухтомский; не исключено, что его имя каким-то образом подсказало соловьевский псевдоним.

⁵ J. Chevalier, A. Gheerbrant. Dictionnaire des symboles. Paris 1982, p. 496.

⁶ Отмечено А. Федоровым в кн. И.Анненский. Личность и творчество. Л. 1984, с.30.

ческий аналог “Утис” — имя, которым назывался Одиссей Полифему, чтобы не раскрыть ему своего истинного имени и спастись от его гнева, как бы являлся синонимом слова “псевдоним” — “вымышленное имя”.

В. Розанов подписывался не менее, чем 47 (!) псевдонимами. Другие писатели современники пользовались немногими псевдонимами, как например Вяч. Иванов (Заклъг) или Брюсов (В. Даров).⁷ Дебютируя в литературе С. Бобров начинал с самого антипоэтического псевдонима — С. Химик (“Весна” 1908); для подражаний Блоку употреблял имя “Феофил Праури”; а для лучшего из создаваемого намеревался использовать ярко символистски маркированный псевдоним — “Мар Иолэн”.⁸

Наиболее значимый и влиятельный псевдоним в литературной культуре конца XIX-начала XX века принадлежал Максиму Горькому. Писатель сам как-то рассказал о том, откуда взялся этот псевдоним и что он означал:

Отец мой был рабочим на Крымском побережье. Оказывается, он любил говорить людям правду в лицо, причем горькую правду. Многие не знали его фамилии, называя просто “Максимом Горьким”. Так к нему и пристала фамилия “Горький”. А так как и моя жизнь была куда как не сладкой, я взял псевдонимом отцовское имя и фамилию.⁹

Примечательно, что причиной отказа Горького от крестного имени и наследственной фамилии была их “нелитературность” (см. свидетельство А. Калюжного: «Псевдоним себе Алексей Максимович придумал сам. Впоследствии он говорил мне: “Не писать же мне в литературе — Пешков”»¹⁰). “Невеселое” литературное имя Пешкова вызывало подражания среди писателей горьковского направления, апогеем популярности его имени был 1932 г., когда город, в котором он родился — Нижний Новгород — был переименован в Горький (ср. сделанную по этому поводу ироническую запись К. Чуковского 11 октября 1932 г.):

⁷ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1-4, М. 1956-1960.

⁸ К. Постоутенко. Об одном псевдониме С. П. Боброва (Мар Иолэн).

⁹ В. О. Арабидзе. Грузинские дружинники и Максим Горький. // М. Горький в воспоминаниях современников. Т. 1, М. 1981, с. 224.

¹⁰ А. М. Калюжный. Старый друг. // там же, с. 47.

Беда с русскими писателями: одного зовут Мих. Голодный, другого Бедный, третьего Приблудный — вот и называй города.¹¹

В лагере символистов наиболее эмблематическим, нагруженным мифологическими ассоциациями было имя Андрея Белого. История появления этого псевдонима характерна для эпохи. Литературное имя для писателя придумал М. С. Соловьев, став благодаря этому его “крестным отцом в литературном крещении”.¹² По одному из свидетельств поэта, М. С. Соловьев в выборе псевдонима руководствовался “лишь сочетаниями звуков, а не аллегориями”.¹³ Другое свидетельство писателя прямо противоположно: псевдоним пришел из общего мистического опыта с М. С. Соловьевым — «узнания апокалиптических переживаний в связи с “белым” цветом»; выбор псевдонима, таким образом, как точно интерпретирует А. В. Лавров, прежде всего был утверждением причастности чаемому “преображению и помазанию на животворческий опыт”, верности символическому “белому” началу. Любопытно, что нечто в этом роде писал Хлебников: “белый носит белого начало бельмо”.¹⁴

Но вряд ли эта изощренная символика была открыта писателю в момент выбора литературного имени; скорее, она домысливалась задним числом. Позднее, в 1905 г., переживая кризис, сомневаясь в соответствии своему возвышенному имени-судьбе, он рассказывал о своих переживаниях в таких одновременно шутливых и значительных строках:

усумнился во всем, что считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе [...] В результате: запрезирал в себе Андрея Белого, захотел стать Андрюхой Краснорубахиным. [...] Вы спрашиваете меня о “Симфонии”. Нет, не пишу. Спросите почему? Ей нет места между двумя половинами моего сознания: Андрюха Красный и батюшка Алонзанфанделапатреображенский (член будущего общества памяти Вл. Соловьева) презирают сии занятия”¹⁵

¹¹ К. Чуковский. Дневник. 1930–1969. М. 1994, с. 71.

¹² Андрей Белый. Материал к биографии... (цит. по А. В. Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы. М. 1995, с. 69).

¹³ Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М. 1989, с. 452.

¹⁴ Рукопись из Гос. музея В. В. Маяковского (цит. по кн. Р. В. Дуганов. Велимир Хлебников. Природа творчества. М. 1990, с. 107).

¹⁵ Письмо А. Белого к П. Флоренскому от 14 августа 1905 г. // Контекст 1991, М. 1991, с. 40, 41.

“Идеальное” имя Андрея Белого, как видим, могло расщепиться на революционно-демократического “Андрюху Красного” и его антагониста и двойника - “левого” священника-модерниста (“Allons enfants de la Patrie” “Марсельезы” плюс старинная священническая фамилия Преображенский, внутренняя форма которой связана с религиозной идеей Преображения, в русском символизме звучавшей как Теургия).

Примечательно, что Э. Меттнер, еще не знакомый с автором “Симфоний”, задался вопросом об имени-судьбе “Андрей Белый” как эстетической и общественной альтернативе имени-судьбе М. Горького: “Андрей Белый — конечно, псевдоним. Андрей — по-гречески: мужественный, храбрый, отважный. Итак, смел и бел, соединение дерзновения со спокойствием, духа ратного и благодатного. Имя — обещающее светлый подъем из мрачных низин, наглого боязливого царства, данником коего принудил стать русское образованное общество один очень большой и горький талант”¹⁶ (“очень большой”, то есть латинское “Maximus”, плюс “горький талант” = Максим Горький). Т. е. Меттнер видел в имени-судьбе А. Белого альтернативу — в плане как эстетическом, так и общественном — имени-судьбе М. Горького.

Интерпретацией творчества и судьбы А. Белого через имя поэта, а также название и образы его первой поэтической книги собирался заняться П. Флоренский. В одном из набросков для рецензии 1904 г. на “Золото в лазури” это толкование представлено в виде следующей формулы:

желто-золотой (мужской) + голубо-лазурный (женский) = белый (синтез). См. “Возврат” и “Преданье”

[...] Золото — Христос

Лазурь — София.¹⁷

Исследование имени-судьбы Андрея Белого было для Флоренского одной из вех на пути к созданию обобщающей книги об именах; она писалась им, в сущности, почти всю жизнь, к толкованию имен он возвращался даже в письмах к семье из Соловецкого лагеря. Один из первых ее вариантов, законченный в 1907 г., назывался “Священное переименование”, последний вариант под названием “Имена” писал-

¹⁶ Цит. по А. В. Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы, с. 147.

¹⁷ “Золото в лазури” Андрея Белого. Критическая статья. // Свящ. Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 1, М. 1994, с. 697.

ся в 1923–1926 гг. Книга “Священное переименование” осталась неопубликованной, но о ее масштабе можно судить по названию некоторых глав: “Связь имени и его носителя”, “Обычаи, происшедшие на почве представлений о власти имен”, “Переименование в браке”, “Переименование в побратимстве”, “Переименование при вступлении на должность”, “Переименование при посвящении в мистерии”, “Крещальноепереименование”, “Переименование посмертное”.¹⁸

Одним из источников и импульсов идей Флоренского об имени было творчество Вяч. Иванова, теоретические труды и практика которого в области словоформ имели фундаментальное значение для эпохи.¹⁹ Предприняв фонетический разбор пушкинской поэмы “Цыганы” Вяч. Иванов открыл, что звуковой ряд поэмы построен с опорой на гласный *у* и, поддержаный рифмами, соответствует ключевому слову: “Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют — носят”, “старый муж, грозный муж”, “гула” — “блеснула” — “Кагула” = “Мариула”.²⁰ Как видим, эта методика достаточно близка к анаграмматическим разработкам Ф. де Соссюра, лекции которого Иванов слушал в Женеве и с которым был знаком.²¹ Как и де Соссюр, Вяч.

¹⁸ См. игумен Андроник (Трубачев). Книга “Имена” священника Павла Флоренского. (Источниковедческий обзор) // Свящ. Павел Флоренский. Имена. М. 1993, с. 304–306. О внимании Флоренского к внешнему и внутреннему облику и смыслу имен у современных ему писателей можно судить хотя бы по следующему его наблюдению: “Известные оттенки индивидуальности выражаются и формулируются различными особенностями в сочетании имен. [...] Розанов — Василий Васильевич, но — Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин, просто по именам, и на язык не идет отчество, как на мысль — представление, что у них были отцы, хотя матери, материнский момент в них чувствуется весьма живо” // Флоренский. Имена. М. 1993, с. 98.

¹⁹ Прежде всего ивановские работы о дионисизме, исследующие мифологический язык античности.

²⁰ См. третью главку статьи О “Цыганах” Пушкина // В. И. Иванов, Собр. соч., т. IV, Брюссель 1987, с. 300–302 и 744–755 (примеч.) — далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Статья писалась весной и летом 1907 г. — письмо Вяч. Иванова к В. Брюсову от 1 июня 1907 г. // Литературное наследство, т. 85, М. 1976, с. 498 и была опубликована в 1908 г.

²¹ Вяч. Иванов подарил де Соссюру книгу своих стихов снабдив ее дарственной надписью, надо думать, “Кормчие звезды” или “Прозрачность”. Благодаря за ее присылку, де Соссюр замечал: “Il renouvelle pour moi bien vivement le regret que j'ai toujours éprouvé de ne pas posséder votre belle langue russe, que j'admiré de loin en grammairien, mais hélas sans en pénétrer autrement le

Иванов не торопился публично высказывать своих догадок и демонстрировал их больше через подбор примеров, но вполне “соссюровское” заключение, к которому пришел Флоренский, читая ивановскую работу — что имя Мариулы “есть звуковая материя, из которой оформливается вся поэма” — было подготовлено самой статьей. Любопытно, что в том же 1907 г. Иванов опубликовал поэтический цикл “Золотые завесы” (альманах “Цветник ОР”), где анаграммировалось имя “Маргарита” — то есть Маргариты Сабашниковой, которой цикл посвящен.²²

Вяч. Иванов очень внимательно относился к внешней форме литературного имени, которое называл на французский лад “*nom de guerre*”. 22 мая 1904 г. он сообщал педантичному С. Венгерову: “Мой литературный *nom de guerre*: Вячеслав Иванов (полным именем), или хоть Вяч. Иванов (где нельзя дать полного имени)”.²³ В августе того же 1904 г. он наставлял Волошина: “Почему вы взяли только своим *nom de guerre* “Макс Волошин”? Это какое-то европеизирование. Максимилиан — это такое звучное имя”.²⁴ Перед литературным дебютом в России своей жены Лидии Зиновьевой он сообщал Брюсову: “Жена просит известить вас, что своим литературным “*nom de guerre*” избирает: “Л. Д. Зиновьева-Аннибал”. Ганнибала — ее предки с материнской стороны”.²⁵ Последнее “*nom de guerre*” было уже псевдонимом: наследственное имя писательницы было “Зиновьева”, подчеркнуто архаизированное имя “Аннибал” (нормой для начала XX века было,

mystère” (Ziffer G. Il poeta e il grammatico. Un biglietto inedito di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjačeslav Ivanov, “Russica Romana” I, 1994, p. 189-191). Если попытаться представить себе разговор об анаграммах де Соссюра и Вяч. Иванова, то можно предположить, что его темой мог быть вопрос о соотношении анаграммы, мифа, символа и слова, вопрос, которого женевский лингвист касался, в частности, в записи о “Песне Нibelунгов” — см. Starobinski J. *Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure*. Paris 1971, p. 15-16 и интерпретацию Старобинского на с. 17.

²² См. прежде всего уже классическую статью В. Н. Топорова “К исследованию анаграмматических структур (анализы)” // Исследования по структуре текстов, М. 1987, с. 221-225.

²³ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1990 г., СПб. 1993, с. 77.

²⁴ М. Волошин. История моей души. Запись от 10 августа 1904 г. // М. Волошин. Автобиографическая проза, М. 1991, с. 203.

²⁵ Литературное наследство. Т. 85, М. 1976, с. 445.

как свидетельствует и само письмо к Брюсову — “Ганнибал”) могло вводить специфические литературные ассоциации пушкинской эпохи.²⁶

Не менее существенным для Вяч. Иванова было вопрос о внутренней форме имени, о имени-судьбе. “Вот мать моя, вопреки воле отца моего, дала мне имя Вячеслав (была она славянофилка) — и вот это определило в значительной степени всю мою жизнь”, — говорил он в 1921 г. Альтману.²⁷ В 1906 г. произошло достаточно необычное столкновение между Вяч. Ивановым и Федором Сологубом вокруг толкования их литературных имен. Сологуб послал Иванову стихотворение, представляющее собой различные возможные разгадки имени “Вячеслав”: “Вящий? Вещий? / Прославляющий ли вещи? / Вече иль венец? / Слава? Слово или слатъ? / Как мне знаки разгадать?”²⁸ “Игра в загадки, за которой таится нечто, глубоко им переживаемое”, — записал Вяч. Иванов в дневнике от 2 июня 1906 г. (II, с. 745) и отвечал стихотворением “Федору Сологубу (в истолковании: Божидару, нарекшемуся Солнцегубителем)²⁹ То есть, по хитроумной поэтической игре Вяч. Иванова, псевдоним “Сологуб” — анаграмматически “СОЛНЦЕГУБИТЕЛЬ”, что точно соотносилось с темой вражды с солнцем в его творчестве — означал отрицание, отречение от крестного имени “Федор” — “Божий дар” по-гречески.

Среди ивановских стихотворений, которые построены на толковании имен, примечательно посвященное Фету: его тень привиделась поэту в сновидении, “И будто имя Афанасий / Я произнес; а старец мне / С улыбкой тихой: “Анастасий”, — / И темен был намек во сне” —

²⁶ Еще один существенный элемент внешней формы ивановского имени — ударение только на предпоследнем, а не на последнем слоге. В этой связи очень показателен рассказ непременного участника “сред” на “башне” поэта В. Пяста об обыске, учиненном там полицейскими в декабре 1905 г. Руководивший полицейской операцией чиновник “называл хозяина упорно “Вячеслав Иванов”, — с ударением на последнем слоге. До сих пор никому в голову не приходило такое произношение. Мне чудится в этом [...] нарочитое издевательство” — В. Пяст. Встречи. М. 1929, с. 97.

²⁷ М. С. Альтман. Разговоры с Вяч. Ивановым, СПб. 1995, с. 77.

²⁸ Федор Сологуб. Стихотворения. Л. 1978, с. 331-332.

²⁹ Стихотворение приложено к письму В. И. Иванова Федору Сологубу начала июня 1906 г. — В. Иванов. Письма к Ф. Сологубу и А. Н. Чеботаревской. Публ. А. Лаврова. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л. 1976, с. 141-142.

Афанасий по-гречески — “бессмертный”, “Анастасий” — “воскресающий”. Разгадка следует в следующем заключительном четверостишии:

Но явен стал мне знак чудесный,
Едва очам открылась явь;
И дух сказал: “Душа, восславь
Прощеных душ покой воскресный” (Тень Фета, 1917 — III, с. 525).

Не менее замечательно стихотворение “Victori manu Elohim”, в 1923 г. посвященное бакинскому студенту Иванова, а впоследствии филологу и поэту Виктору Мануйлову. Само стихотворение и его название являются разгадкой имени и судьбы адресата.

Первое слово “Victori” — латинское “победитель” в дативе. Русская фамилия “Мануйлов” этимологически восходит к имени “Мануил” или, в полной форме, “Иммануил”, соответствующему древнееврейскому “im-mānu-el”, что означает буквально “с-нами-Бог”. Другое имя Бога в Ветхом Завете — “Elohim”, таким образом “Мануйлов” = “im—manu—el” = “manu Elohim”. Тонкость словесной игры состояло еще в том, что второе слово заглавия могло быть прочтено по-латински, тогда это “рука” в ablative, а все заглавие — читаться как четырехстопный ямб, подобно всему написанному четырехстопным ямбом стихотворению. Заключительное четверостишие его — предсказание будущий судьбы того, кто соединил в себе оба имени, а его последняя строка — точный перевод заглавия на русский язык.³⁰

Вы оправдаете, ревнитель,
И совопросник строгих Муз,
Двух звуков имени союз,
Рукою Божьей победитель (IV, с. 90).

В том же 1923 году Вяч. Иванов посвятил сонет-акrostих другому своему студенту и “совопроснику” Моисею Альтману (см. IV, с. 88). Акростишным словом сонета были два имени, данные Альтману при рождении — Эли-Мойше (то есть Илия и Моисей), а темой сонета было толкование этих имен и его возможной судьбы, толкование на этот раз внутренне очень полемичное, — речь шла, как нужно ду-

³⁰ Несколько иную интерпретацию делает Н. В. Котрелев — см. Вестник Удмуртского университета. Специальный выпуск, посвященный Елене Александровне Миллиор. Ижевск 1995, с. 47.

мать, о культурно-религиозной ориентации молодого Альтмана. Таким образом, каркасом сонета была внешняя форма имен (акростих), а его содержанием — их интерпретация.

Замечательно, что именно Альтману было суждено продолжить многие из идей учителя. Толкование имен в литературе — пожалуй, главная тема научной деятельности М. Альтмана, начиная от его статьи начала 1920-х гг. “Ономастика в поэзии Вяч. Иванова” до диссертации о семантике собственных имен у Гомера и цикла статей конца 1950-начала 1980 гг.³¹ Особый интерес для истории русской ученой ономастики может представить исследование М. Альтмана “Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера” (Л. 1936), ее специфика состоит в том, что автор интерпретирует такие эпические формульные элементы, которые привязаны к конкретным собственным именам (обычно эпические формулы безразличны к конкретному имени персонажа).³²

И небылица былью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь.
Вяч. Иванов

2. Картина наиболее значительных литературных имен/псевдонимов начала XX века была бы неполной без имени Анны Ахматовой. Это имя достаточно антиномично. Как отмечал М. Мейлах, древнееврейское “Анна”, по russki “Благодать” или “Милость” соединена с очевидным тюркским именем “Ахматов<a>” → “Ахмат”; один из татарских ханов по имени “Ахмат” приходил воевать русскую землю. “Татарское, дремучее / пришло из никуда, / К любой беде липучее, / само оно беда”, — писала об избранном ею имени сама Ахматова. Но

³¹ К сожалению, эти работы не собраны и библиографически не описаны. Укажу предварительно на известные мне работы: 1. Имена и прототипы литературных героев Л. Н. Толстого. Ученые записки Орловского гос. университета, т. XV, 1959, с. 77-100; 2. О собственных именах в произведениях Пушкина. Ученые записки Горьковского гос. университета, вып. 72, 1964, с. 377-396; 3. У истоков имен, в кн. Альтмана: У Льва Толстого. Тула 1980, с. 8-39; 4. Достоевский. По вехам имен. Саратов 1975, 280 с. 5. О собственных именах в произведениях Гоголя. // Finitis duodecim lustris. Таллин 1982, с. 106-109.

³² Г. Левинтон, устное сообщение.

для Ахматовой главный смысл виделся в ее крестном имени; введенное в ее поэзию уже в 1913 г. и подвергаемое многократному мотивированию, оно стало ключевым в описании основных вех ее жизни.³³ Добавим, что семантика имени-судьбы “Анна” могла сформироваться под воздействием богатой проповеднической и одицкой традиции в царствование Анны Иоанновны, когда проповедники и поэты упражнялись в благочестиво-комплиментарной игре на значении имени Анна — “Благодать”, “Милость”.

Каждый футурист силился найти себе сильное или по крайней мере экстравагантное имя — будь то Василиск Гнедов, Константин Олимпов или Грааль-Арельский. Но самым значительным именем у футуристов стало имя Велимира Хлебникова. Как мы увидим ниже, избранное поэтом имя стало зерном не только его “личного мифа”, но и “основного мифа” будетян.

Как и почему стал искать себе Хлебников новое имя? По этому поводу недавно опубликованы интересные документы из архива казанского университета, где в 1903-1908 г. учился Хлебников. “В протоколе от 29 октября 1906 года вместо имени Виктор записано — Владимир Владимирович Хлебников, студент-натуралист. Дальше же, начиная с 1907 года, в протоколах пишется — Всеволод Владимирович Хлебников, хотя речь идет все о том же Викторе”.³⁴

Итак, в 1906-1907 г. Хлебников думал отказаться от своего имени и найти себе новое. Поиски нового имени Хлебникова совпадали с его интенсивными первыми поэтическими опытами. Иными словами, Хлебников искал себе новое литературное имя, соизмеряя его звучание, смысл с наследственной фамилией. Последняя была социально маркирована, в ней слышалось указание на ее происхождение: “хлебников” означало “сын хлебника”, а это, в сочетании с латинским крестным именем “Виктор”, звучало диссонансом.³⁵ Можно

³³ См. богатую важными наблюдениями и материалом статью Мейлаха 1975.

³⁴ Ю. С. Чуйков. Хлебников в Казани. “Волга” 1991 № 3, с. 172. Приношу благодарность Р. Дуганову, указавшего мне на этот источник.

³⁵ Любопытно, что Вяч. Иванов в разговоре с Альтманом 21 января 1921 г., говоря о звучании латинских слов в русском языке отметил, что изменив свое первоначальное имя Хлебников поступил правильно. См. М. С. Альтман. Разговоры с Вяч. Ивановым, с. 33. В записи этого разговора Альтманом, как представляется, есть какие-то неточности.

ли дебютировать в поэзии с именем “Август Сыромятников” или “Аврелий Колбасьев”?

Примечательно еще одно обстоятельство. В именах, “примеряемых” Хлебниковым в 1906-1907 гг., есть нечто общее. Первое, что бросается в глаза — их славянское, а не иностранное происхождение. Замечательно, однако, иное. Корневые значения обоих имен — не в историко-лингвистическом, но мифо-поэтическом смысле — могут говорить, в сущности, о почти тождественной идее: “Владимир”, то есть “владей-миром” и “Все-волод”, то есть “всем-володей”. “Влади-мир”, вместе со “Все-володом” как бы уже предвосхищает “Вели-мира”, сумма значений обоих имен как бы уже его содержит; не первая ли это попытка Хлебникова найти себе имя-судьбу?

Но в 1906-1907 г. он еще ищет свое литературное имя, а когда в октябре 1908 г. дебютирует в журнале “Весна”, то подписывается: “Виктор Хлебников”. Впервые имя “Велимир” документируется в хлебниковских текстах в письме к Вяч. Иванову от 10 июня 1909 г. В вариантах поэмы Хлебникова того же 1909 г. “Передо мной варился...”, где описывалось одно из собраний на ивановской “башне”, о нем самом говорилось: “Его величают Velimir’ом” (IV, с.424). Имя “Велимир”, таким образом, впервые было принято среди поэтов ивановского круга. Об этом сообщал сам Хлебников в письме к семье от 30 декабря 1909 г.: “Меня зовут здесь Любек и Велимир [...] Я пришлю вам визитную карточку с Велимиром вместо зачеркнутого Виктора” (III, с. 289).

“Ключ” к обоим этим именам — “Велимир” и “Любик/Любек” (между прочим, последним именем постоянно называл Хлебникова М. Кузмин в своих дневниковых записях 1909-1910 г.) — можно найти в стихотворении Хлебникова, написанном приблизительно полугода раньше, не позднее весны 1908 г. Иными словами, существует текст самого Хлебникова, который позволяет судить о возможном смысле обоих имен. Известно также, кто должен был быть первым читателем этого сочинения — это Вяч. Иванов; стихотворение в составе других поэтических опытов было послано мэтру петербургской “башни” 31 марта 1908 г. (воспроизведение всего послания Хлебникова см. в Приложении). Вот это стихотворение:

- 1 Охотник скрытных долей, я в бор бытий вошел.
Плескались тайно соли, тонул и гаснул дол.
И навиков скаканье в вострилицах воды.
И любиков смеянье в грустилицах зари.

5 И веток трепетанье и воздуха смеянье
 Там, где проскользнули жарири
 И своим огнистым свистом
 Воздух быви залили.
 Тонул и гаснул дол....
 — И велям вейных волей весь мир — покорный вол.

Начальные строки вводят читателя в загадочную и таинственную тему. Поиски смысла необычного стихотворения должны быть начаты буквально с первого слова. Как понимать слово “Охотник” — это тот, кто занимается охотой, “venator”, или тот, кто имеет пристрастие к чему-либо, “любитель”? Контекст двух стихов удивительным образом содержит оба значения: охотник входит в бор бытий (прямое значение), но он же — охотник “скрытных долей” (переносное значение). Вместе с тем “скрытный” или “скрытый” по-гречески — “κρυπτός”; выражение “скрытая доля”, переведенное на греческий, дословно оказывается “криптомерней” (ср. “Из леса криптомерий / Встает Комплиментарий”— эпиграмма 1906 г. Ф. Сологуба на Вяч. Иванова³⁶) — не указывается ли читателю — ценителю словесных загадок, что здесь может присутствовать еще и третье значение: автор стихотворения — любитель замысловато прятать смысл, любитель криптограмм?

В час солнечного заката охотнику открывается жизнь “навиков” — водяных существ из мира мертвых (в славянской мифологии “навики” или “мавки”— русалки; а “навь” вообще — воплощенис смерти).³⁷ Их противоположность — “любики” — существа земного мира, причастные к стихиям воздуха, смеха, огня и наконец, Эроса, Любви. “Смеянье” любиков и присущей им воздушной стихии (строка 4 и 5) ведут нас к знаменитому “Заклятию смехом” 1908—1909 г., которое Хлебников, кстати, читал на “башне” (свидетельство И. фон Гюнтера). Смысловые ассоциации имени “Любик” в поэтическом мире раннего Хлебникова кажутся достаточно определенными и существенными.

Теперь о имени “Велимир”. Если в первых двух строках “Охотника” есть указание на “скрытое” и “тайное”, то наиболее загадочным в стихотворении следует признать его последнюю строку о Мире, который покорен Волям. При желании здесь можно найти “скрытое”

³⁶ В. Пяст. Встречи. М. 1929, с. 47.

³⁷ См. энциклопедический словарь “Славянская мифология”, М. 1995, с. 8, 253, 337.

или криптограммированное присутствие ключевого имени: "и ВЕЛЯМ ВЕЙНЫХ ВОЛЕЙ ВЕСЬ МИР — покорный ВОЛ" = "Велемир". Произвольно ли такое сочетание звуков и смысла? Что это — сознательное или бессознательное створение имени-судьбы, зерна "личного мифа" поэта?

На вопрос о том, сознательно ли автор строил эту анаграмму, ответить с уверенностью трудно. Известно, что анаграммы обычно находились и осмысливались самим Хлебниковым в его стихах задним числом, это относится к его "Кузнецчику" и "Перевертню" ("Чин зван мечем навзнич"). Вообще, анаграммы можно найти в сочинениях Хлебникова начиная с того же 1908 г.: "Благословляй или РОСИ Яд./ но ты останешься одна. — / Завет морского дна — / РОССИЯ. ("Снежинка", 1908 и "Курган Святогора", 1908), "КУЗМИН — аМИЗУК", "ВЯЧЕСЛАВ — ВсеЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ Вплетает СтрАх" ("Передо мной варился вар", 1909 - IV, с.198, 199), "Руку, товаРИЩ ВаСИЛИЙ, пожаРИЩ ВеСЕЛИЙ" (письмо к В. В. Каменскому 1910 г. — III, с. 291).³⁸ Еще одна анаграмма "Велимир" находится, по мнению А. Парниса, в стихотворении "Одинокий лицедей" (1921),³⁹ его сопоставление с "Охотником" может показать неслучайность как обращенности всего текста к Вяч. Иванову, так и возвращения к теме быка:

И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил.
Как Воин Истины я Ею потрясал над МИРОМ.⁴⁰

Однако показательно, что сам Хлебников начинает употреблять имя "Велимир" более, чем год спустя после того, как сочинил и отправил Вяч. Иванову "Охотника". Во всяком случае, если не подлежит сомнению факт, что первое из признанных за Хлебниковым имен — "Любик" — находилось в послании, отправленным молодым поэтом Вяч.Иванову, то достаточно очевидно, что имя "Велимир" по-

³⁸ Ср. также игровое "Ты Евский, я Хлебной", — фраза, обращенная Хлебниковым к Евгению Спасскому. Как комментирует Н. Перцова, "Евский" соотносится, скорее всего, с "есть", а "Хлебной" либо с "хлеб", либо с "хлебать", тогда в подтексте оказываются выражения либо "есть хлеб" ("хлеб"), либо "есть и пить" ("хлебать") — см. Н. Перцова. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. "Wiener Slawistischer Almanach". Sonderband 40. Вена-Москва 1995, с. 27.

³⁹ А. Парнис, устное сообщение.

⁴⁰ В. Хлебников. Творения. М. 1985, с.167.

явилось в какой-то момент пересечения с ивановским кругом. Существенно однако, что не внешняя, но внутренняя форма имени “Велимир” глубоко мотивирована в творчестве Хлебникова. Мифологема “Поэт–Воля–Мир (Вселенная)” возникает в поэтических фрагментах Хлебникова как раз с начала 1908 г. (а может быть, еще раньше), а затем воплощается на разных уровнях его словесного и поэтического творчества, как в его неологизмах, так и в разного рода мифо-поэтических манифестах. Сперва рассмотрим поэтические фрагменты:

И я, знаюн их умных сил,
Брожу, вожу в немобы вир.

И мир постиг и мир настиг,
И он почил и он избыл.

(из стихотворного послания к Иванову от 31. 3. 1908 – см. Приложение)

Думалом волилом я мир озарил
И пляскою вязкою жир окружил (Из Творения 1906–1908 г.- III, с. 383).

мычъ. я; яви подвластной согласным правлю круговодом кружетком
меняя их (1908).⁴¹

“Жир” во втором фрагменте — парадигматическая метафора слова “мир”,⁴² как и в следующем примере “мычъ” метафорически соотнесено со словом “бычъ”, то есть “быть”, “бытие”; при этом этимологически “жир” возможно связано с “жити”⁴³ — “пляскою … жир окружил” таким образом метафорически может означать как “пляскою … мир окружил”, так и “пляскою … жизнь окружил”.

Идеи этих фрагментов выражены в созданном, по всей видимости, одновременно с “Охотником” стихотворении; это едва ли не самая законченная у раннего Хлебникова поэтическая декларация о Поэте, познающем волю Мира и повелевающем им:

⁴¹ Цит. по Х. Баран. В творческой лаборатории Хлебникова: О “Тетради 1908 г.” // Х. Баран. Поэтика русской литературы начала XX в. М. 1993, с. 183.

⁴² Метафоры такого рода открыты и описаны Б. Успенским — см. его статью “Анатомия метафоры у Мандельштама” // Избр. труды. Т. 2, М. 1994, с. 252 и вообще с. 246–272.

⁴³ Кроме того, жировать означает “жить роскошно”, а также “играть”. См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М. 1986, т. 2, с. 56

И я свирел в свою свирель.
 И мир хотел в свою хотель.
 Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.
 Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок (начало 1908 г. - IV, с. 95)

Теперь о соотношении смысла, звука и мифа “Велимира” с словоизобретчеством Хлебникова. Недавно вышедший словарь хлебниковских неологизмов⁴⁴ позволяет нам сопоставить имя “Велимир” с рядом изобретенных поэтом слов и имен собственных, в большей или меньшей мере ему аналогичных. Вот они:

миролов	Ястмир	миропахарь
Будимир	мировик	миропись
Миристель	всемир	миротворение
Вселеномир	мирел	первомирельщик
Миродел	мирийный	сомир
Ладомир ⁴⁵	мирина	сомирец
Я-мир	миролюбийца	теломир

Эти неологизмы можно представить как ряд инвариантов, группирующихся вокруг центрального слова “Велимир”. Особенно интересны первые три имени собственные, в них трудно не увидеть корневых и семантических синонимов имени “Велимир”. В частности, первое имя может быть представлено как переверстень литературного имени Хлебникова: “Мир” + “Лов” = Миролов; переставив “Мир” на конец и переменив местами л и в, получаем “Вол” (“Вол” обычно чередуется с “Вел”) + “Мир” = “Велимир”.

В нашем списке хлебниковских имен объединены имена с основой на “миръ” и “міръ”.⁴⁶ Против этого можно возразить. Во первых, сам Хлебников последовательно писал свое имя через і – “Велиміръ”. Во вторых, на необходимость различения “миръ”, “рах” и “міръ”,

⁴⁴ Н. Перцова. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. 1995.

⁴⁵ О соотнесении имени “Ладомир” и “Велимир” см. Дуганов, с. 73.

⁴⁶ В данном случае мы следуем за Перцовой, которая в гнездовом словаре неологизмов Хлебникова разделяет слова с основой на “міръ” и на “миръ”, но указывает на их возможность их объединения — Н. Перцова. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова, с. 440-441

“mundus” указывал еще Максим Грек, Сумароков и Каржавин⁴⁷ и последним по времени в этом ряду — Д. Д. Соколов, автор “Справочной книги по церковнославянскому правописанию”, 1907.

Однако же на практике “миръ” иногда смешивался с “міромъ”. “Славянский именослов” 1867 г., который, по предположению Н. Перцовой Хлебников знал,⁴⁸ интерпретировал “миръ”, “рах” и “міръ”, “mundus” как одно слово и соотносил его также со словом “слава”.⁴⁹

Другим серьезным аргументом является сама хлебниковская поэтика, принципиально отрицающая однозначность слова. Последним аргументом могут быть такие имена как “Будимир”, “Вселеномир”, “Ладомир”, “миролюбийца”, “тэломир”, “Я-мир”, “Ястмир”, написанные через “и”, то есть со значением основы “покой”, “рах”. Таким образом, в окружающих хлебниковское имя именах-инвариантах “мерцают” (скажем, пользуясь термином самого Велимира) как “мир-покой”, так и “мир-вселенная.”

Наконец, последняя ступень развития имени-судьбы “Велимир” — наречение Хлебникова Председателем земного шара. Хлебников и его единомышленники создали “Общество председателей земного шара” или “общество 317”, куда, кроме самих футуристов должен был

⁴⁷ Ср. напр. дефиницию справщика Евфимия: “Миръ, пишемое чрез и, гречески ἡρίνη; знаменует любовь между члвки, согласie, покой от вражды всякія, соединеніе. Mіръ, пишемое чрез і, гречески κόσμος, знаменующее красоту, чинъ, народъ, селенную, міръ” // К. Никольский. Материалы для истории исправления богослужебных книг. СПб. 1896. О дифференциации “миръ” — “міръ”, кодифицированной в московском церковнославянском языке, специально см. Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI- XVII вв.). Budapest 1988, с. 263 и д.

⁴⁸ Н. Перцова. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова, с. 35

⁴⁹ Ср. “Мир(ъ), Mір(ъ). В этом слове заключается понятие о спокойствии; тишине (рах), потом о множестве народа, вселенной, в третих о унижении (ср. с-мирение, с-мирять); кроме этих трех значений Миклошич дает слову мир еще четвертое значение славы — κλέος, и в этом последнем смысле он считает слово мир совершено тождественным со словом слава...”. Свящ. М. Морошкин. Славянский именослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб. 1867, с. 73. В свете соотношения “мир” — “слава” ср. самоименование “славень” в стих. “Желание-смехание...” (оно также было послана автором Вяч. Иванову — см. Приложение); это темное и загадочное по смыслу стихотворение говорит, кажется, о творчестве и номинации вещей; мотивы смеха и творческого эроса перекликаются с “Охотником”.

войти Г. Уэллс — видимо, как наиболее крупный “футуролог” и утопист своего времени, а также Вяч. Иванов и Флоренский.⁵⁰ Идея “правительства земного шара” — едва ли не центральный миф русских будетлян. Одно из “Предложений” Председателя — “Внести новшество в землевладение, признав, что площадь землевладения, находящегося в единоличном пользовании, не может быть менее поверхности земного шара” (III, с.158) — может показаться амплификацией имени “Велимир” или каких-то его инвариантов: “Вселеномир”, “Миродел”, “Я-мир”, “всемир”, “мировик”, “миропахарь”, “сомир”, “теломир”. В этой же логике можно понять, почему Февральскую революцию он называл днем “овелемирения земного шара”.⁵¹ Естественно, что “Велимир” изучает законы времени и законы истории; “Общество председателей земного шара”

[как рука] всадника, спокойно держащего узду оседланного рока
[мыслителя, спокойно держащего вожжи вселенной].

(Воззвание Председателей Земного Шара, 1917 — III, с. 163)

“Председатель земного шара” — высшая точка и завершение судьбы “Велимира”, на гробе его было написано: “Первый Председатель Земного Шара Велимир Хлебников”.⁵²

⁵⁰ Дм. Петровский. Повесть о Хлебникове. М. 1926, с. 8-12.

⁵¹ РГАЛИ ф. 527, оп. 1, № 91, л. 3об (цит. по Дуганов, с. 59).

⁵² В. Хлебников. Творения, с. 645.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Поэтическое послание В. Хлебникова к Вяч. Иванову от 31 марта 1908 г.

[л. 1]	Желанье — смѣяніе прыщавою стать
Плѣнило — винило довещную рать.
Смѣялись — желали довещныя рати
Увидѣть свой ликъ в отраженіи иначе
И сыпи вселенныхъ одна за другой,
Выходили, всходили, отходили въ покой.
И строи за строемъ вселенныхъ текли
И всѣ въ томъ желаныи—рыданыи легли.
И жницей Времиней сжатыя нивы
Оставляли лицѣ некрасивымъ
И в одной изъ нихъ раньше, чѣмъ тотъ
мигъ насталъ, когда с шумомъ и блескомъ
и звономъ и трескомъ
разсыпался все на куски, славень, — я жилъ....
[2]	Снѣгичь узывный, бѣлый и длинный,
Гдѣ пріютилася Мать?
Снѣгичь узывный, бѣлый и длинный,
Гдѣ склонилася Мать?
[л. 1об.]	Тамъ, гдѣ жили свирристѣли,
Гдѣ качались тихо ели,
Пролетѣли, улетѣли,
Стая легкихъ времирей.
[3]	Гдѣ качались тихо ели,
Гдѣ шумѣли звонко ели,
Пролетѣли, улетѣли
Стая легкихъ времирей.
Въ безпорядкѣ дикомъ тѣней,

Гдѣ какъ морокъ прежнихъ дней,
Закружились слабо сѣни,
Прозвенѣли, улетѣли
Стая легкихъ времирей.
Стая легкихъ времирей!
Ты узывна и пьяна!
Душу ты пьянишь какъ струны, входишь въ сердце,
какъ волна.

[л.2] Нѣголи легкихъ думъ
[4] Лодки направили къ легкому свѣту.
Бѣгали легкости въ шумъ...
А нѣбыли нѣту и нѣту...

Въ туманѣ грезобы
Возстали чертоги.
Въ туманныхъ тревогахъ
Возстали грезоги

Въ грезогахъ чертогахъ почилъ онъ,
Почилъ у черты.
Въ соногахъ мечтогахъ почилъ онъ,
Почилъ у мечты.

Волноба волхвобного вира,
Звеноба нѣмобнаго яра
Ты все удалила, ты все умилила
О тайная сила,
О кровная мара!

[л.2об.] Нѣгошь бѣлыхъ дней,
[5] Мокошь дальнихъ морей.
Птицъ станицы на клювахъ примчали.

Уносился станъ пѣвучій,
Улетали гдѣ-то тучи,
Улетали гдѣ-то дали.

[6]

Въ яробѣ нѣмоты
Играли и журчали
Двузвонкія мечты
Жемчужныя печали.

[7]

И чирья чирковъ — по челу озера.
По чистому челу — межъ власьевъ тростниковъ.
Рати стрекозовья.
— Небо полнятъ
И чертят яси облаковъ
—Рати стрекозовья —
Зыби волнятъ.
— Озеро.

[л. 3]

Любочь блѣдности усть...

[8]

Любочь жароши усть...

Оиваль вѣнкомъ невинности
Твой смертельно блѣдный ликъ...

[9]

Прамень невинностей мора,
Прамень леунностей власъ,
Пламень дѣвинностей взора,
Пламень поюнностей глазъ...

Вотъ струны...

На дугѣ бѣлокостной, поюны,
Натянуты, дрожать,
Дрожать, смѣются и бѣжать
И я, знаюнъ ихъ умныхъ силь,

Брожу, вожу в нѣмобы виръ
И міръ постигъ и міръ настигъ
И онъ почилъ и он избылъ.

- [л. 3об.] Я—любочь жемчужностей смѣха...
[10] Я—любочь леунностей грѣха...
Смѣхи—грѣхи—все мое!
Сладокъ грѣхъ мнѣ—сладко дно!
- [11] Облакини плыли и рыдали
Надъ высокими далями далей.
Облакини сѣни кидали
Надъ печальными далями далей.
Облакини сѣни роняли
Надъ печальными далями далей....
— Облакини плыли и рыдали
Надъ высокими далями далей.
- [12] В золотѣ борона вечера воронъ летѣлъ
И володы голода мечева долу свирѣль.
И долы внимали и жены желали
И кметы стонали и юны смѣялись.
- [л. 4] Охотникъ скрытныхъ долей, я въ борь бытій вошелъ.
[13] Плескались тайно соли, тонуль и гаснуль долъ.
И навиковъ скаканье въ вмѣстилища воды.
И любиковъ смѣянье въ грустилища зари.
И вѣтокъ трепетанье и воздуха смѣянье
Тамъ, гдѣ проскользнули жарири
И своимъ огнистымъ свистомъ
Воздухъ быви залили.
Тонуль и гаснуль долъ...
—И велямъ вѣйныхъ волей весь міръ — покорный воль.

Читая эти стихи, я помнил о “всеславянскомъ языке”, побѣги кото-
рого должны прорости толщи современного, русского. Вотъ почему
именно Ваше мнѣніе о этихъ стихахъ мнѣ дорого и важно и именно
къ Вамъ я рѣшаюсь обратиться. Если Вы найдете возможнымъ, вы-
скажите свое мнѣніе о присланныхъ строкахъ, пославъ [л. 4 об.]
своё письмо по адресу:

Казань.

2-ая гора,

домъ Ульянова.

ст.<уденту> В. В. Хлѣбникову

Буду премного благодаренъ Вамъ.

В. Хлѣбников.

31 III 1908 Казань.

Автограф — ОР РГБ, ф. 109, к.36, ед. хр. 9; текст на двух вложенныхъ друг в друга двойныхъ листах. Стихотворение № 1 было опубликовано в “Неиздан-
ныхъ произведенияхъ”, М. 1940, с. 110 (далее - НП); № 2 - там же, с. 111; № 3 - там же, с. 118; № 4 - в I, вторая пагинация, с. 16 (первые 18 строк стих. “Нега-
Неголь”); № 5 - в НП, с. 112; № 6 - в I, вторая пагинация, с. 16 (строки 19-22 стих. “Нега-
Неголь”); № 7 - в I, вторая пагинация, с. 267; № 8 - в НП, с. 113, первые 4 строки № 9 - в I, вторая пагинация, с. 276 — здесь самые большие различия; № 10 - в I, вторая пагинация, с. 279; № 11 - в НП, с. 115, № 12 в НП, с. 117.

Стихотворения в автографе написаны разными чернилами и варьирующими-
ся почерком; определить их начало и конец с большой долей уверенности
представляется затруднительным; наше членение публикуемого текста в
соответствии с поставленными в квадратных скобках номерами достаточно
условно. В настоящее время текстологическая проблема Хлѣбникова
остается нерешенной (см. общее введение к примечаниям Григорьева и Пар-
ниса в кн. Хлѣбникова Творения, 1985, с. 656, ср. также общее введение к при-
мечаниям Степанова в 1, (первая пагинация), с. 308); публикация данного
автографа подымает спорный вопрос об отношении фрагмента и целого у
Хлѣбникова: не следует ли считать все включенные сюда пьесы за единий
поэтический поток?

* Расширенный вариант доклада на Хлѣбниковской конференции в Институте
мировой литературы РАН (Москва) 7 ноября 1995 г. В этой статье мной раз-
рабатываются положения, намеченные в § 2 статьи “Велимир Хлѣбников на
‘башне’ Вяч. Иванова” — Новое литературное обозрение № 17 (1996), с. 145-
149. Автор приносит благодарность за советы С. Аверинцеву, Г. Левинтону и
Б. Успенскому.